

К вопросу о реконструкции терминов эмоций для праанатолийского и праиндоевропейского уровней¹

В работе поставлена цель сделать обзор эмоциональной лексики в хеттском языке, проанализировать ее этимологию и сопоставить полученный материал с эмоциональной лексикой прочих анатолийских и индоевропейских языков, формируя базу для реконструкции лексического набора эмоциональной лексики на праиндоевропейском уровне.

Ключевые слова: праиндоевропейский язык; праанатолийский язык; хеттский язык; лувийский язык; лексическая реконструкция; языковая семантика; эмоции.

Введение

«Кайзер и Шеворошкин (1988: 316) выводят архаичный характер ностратического лексикона из практически полного отсутствия терминов для эмоций», — пишет В. Блажек (1992: 135), однако внимательный сравнительный анализ данных индоевропейских, семитских и уральских языков показывает, что «ностратический лексикон содержит довольно богатый набор эмоциональной лексики» (op.cit.). Реконструкция эмоциональной лексики на уровне праиндоевропейского языка, к сожалению, существенно страдает из-за отсутствия качественных работ в этой области, касающихся анатолийских и, более узко, хеттских данных. Очень мало работ, посвященных детальному анализу эмоциональной лексики на материале анатолийских языков.

Счастливым недавним исключением является список контекстов из хеттских документов, описывающих эмоциональные ситуации, с привязкой к ключевым словам, в Beckman 2023. Из разработок отдельных лексем нужно отметить анализ контекстуальных значений хетт. *genzi-* ‘любовь, милосердие, сострадание’ (в первом значении «утроба»), представленный в июне 2011 года С. Кимбалл на 30th East Coast Indo-European Conference (Kimbball 2011). Историческая семантика хетт. *naḥ(h)-* ‘страх, бояться’ раскрывается в недавней работе Д. Кёллигана (2020), где показаны связи этого слова не только традиционно с др.-ирл. *nár* ‘благородный, скромный’, но и прослежено семантическое развитие от значения «назад» и, соответственно, установлены связи с греч. *υῶτον* ‘спина’ и лат *natis* ‘задняя часть тела’.

Сразу отметим, что типологически названия эмоций могут иметь несколько возможных источников. Во-первых, возможно развитие значения для эмоции от названий частей тела (см. уже Güntert 1923: 6, греч. *καρδία*, *χόλος*, *οπλήν*), которые ассоциируются с выплеском эмоций («место эмоций»). Во-вторых, жесты, сопровождающие выражение аффекта, могут становиться своеобразной стартовой точкой для семантического развития (греч. *τρέω*, *φύω* и т. д.). Источником эмоциональной лексики становятся также

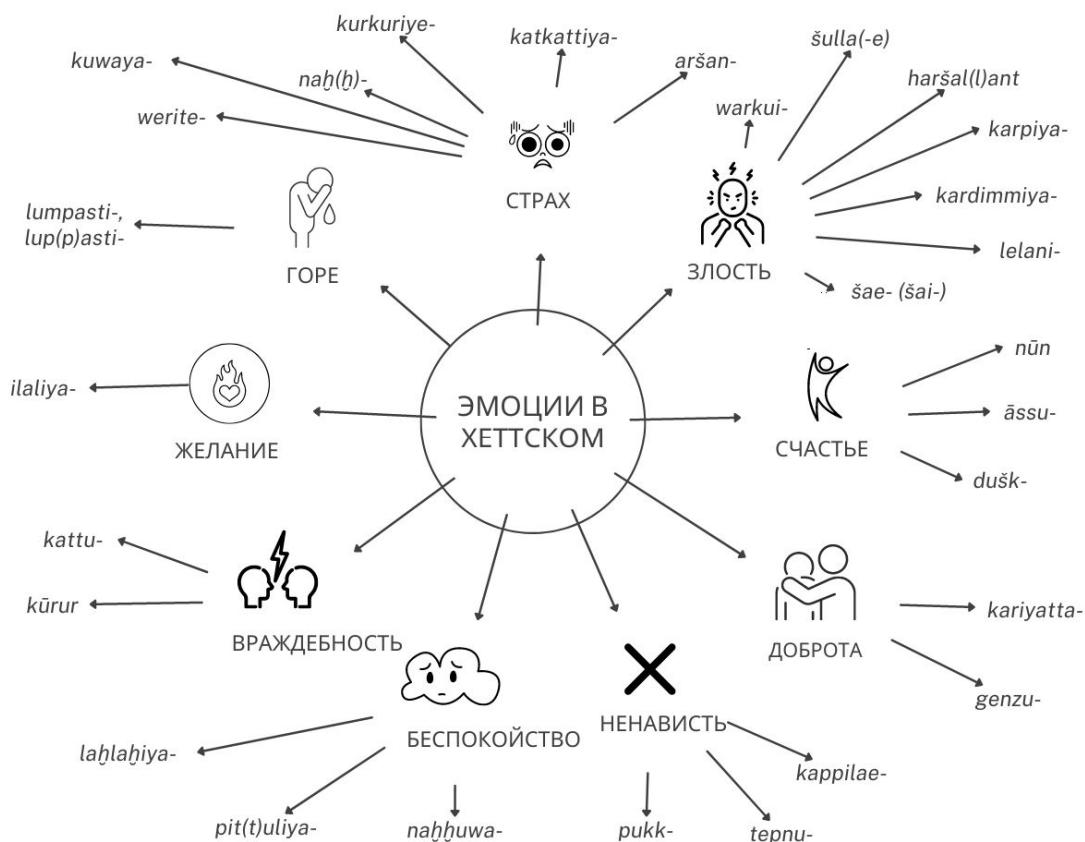
¹ Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за их бесценные комментарии к тексту, без которых эта работа не состоялась бы. Все неточности остаются на совести автора. Работа проводится в рамках проекта ‘Akkadian and Hittite Emotions in Context (AHEC) – Towards a Lexicon of Emotions in Cuneiform Texts from Ancient Mesopotamia and Hittite Anatolia’, при финансовой поддержке фонда DFG.

описания физического импульса, и наконец, выделяются выражения, связанные с представлениями о душе/духе (*μένος*, лат. *mens*) и работе мысли (англ. *to thank*: *to think*).

В нашей работе предполагается сделать обзор эмоциональной лексики в хеттском языке, проанализировать ее этимологию, а также сопоставить полученный материал с эмоциональной лексикой прочих анатолийских и шире, индоевропейских языков, формируя базу для реконструкции лексического набора эмоциональной лексики на праиндоевропейском уровне.

Эмоциональная лексика в хеттском языке

Хеттская эмоциональная лексика показывает наличие специальных обозначений для следующего круга эмоций: злость/сердитость, враждебность, страх, горевание, ненависть, желание, счастье/радость, милосердие/доброта, беспокойство. Более подробно семантические поля эмоций с соответствующими лексемами представлены в Схеме 1.

Как можно видеть, некоторые семантические поля, например злость и страх, представлены довольно большим количеством лексем, что подразумевает различение оттенков значений эмоции. Если проанализировать значения входящих в каждое поле лексем, мы получаем следующую классификацию оттенков значений (см. Табл. 1).

Практически для каждой лексемы на основе данных хеттского корпуса текстов возможно построить словообразовательное гнездо, в котором часть деривативов также будут

Семантическое поле	Субзначение	Лексема
Злость	Базовая злость	<i>kardimmiya-</i> ‘злиться’ (шум. TUKU.TUKU)
	Неуважение	<i>šulla/e-</i> ‘быть высокомерным, агрессивным, не уважать’
	Зависть	<i>aršan-</i> ‘завидовать, злиться’
	Угрюмость	<i>šāe-</i> ‘быть угрюмым, склонным, ссориться’
	Сопротивление	<i>ħaršal(l)ant-</i> ‘сопротивляться, возмущаться’
	Гнев	<i>warkui-</i> ‘гнев, ярость’
	Ярость	<i>karpiya-</i> ‘злиться, испытывать гнев’
	Бешенство	<i>lelani(ya)-</i> ‘приводить в бешенство’ (редк., только ОН)
Враждебность	Раздор, распри	<i>kattu-</i> ‘быть обиженным, ущемленным, желать отомстить’
	Вражда	<i>kīrur-</i> ‘враждебность, желание воевать’
Страх	Настороженность	<i>kuwaya-</i> ‘страх, быть начеку’ (лавизм)
	Напуганность	<i>werit-</i> ‘бояться, быть напуганным’
	Уважение	<i>nah(l)y-</i> ‘бояться, иметь уважение, быть осторожным’
	Устрашение	<i>kurkuriye-</i> ‘пугать, устрашать’
	Дрожание	<i>katkatiya-</i> ‘дрожать’
Горе	Горевание	<i>lumpašti-, lup(p)ašti-</i> ‘жалоба, горе, грусть’ (лавизм)
Ненависть	Агрессия	<i>kappilae-</i> ‘вступать в схватку, быть агрессивным’
	Презрение	<i>terni-</i> ‘унижать, презирать’
	Отвращение	<i>rikk-</i> ‘быть ненавидимым, отвратительным, неприятным’
Беспокойство	Приоритет	<i>naḥiwa-</i> ‘занимать все мысли, быть важным’
	Напряжение	<i>pit(t)uliya-</i> ‘напряжение, беспокойство’
	Неспокойствие	<i>lahlaḥiya-</i> ‘беспокойство, подвижность’
Милосердие/Доброта	Милодущие, согласие	<i>kariyatta-</i> ‘быть милостивым к кому-л’
	Доброта	<i>genzu-/ginzu-</i> ‘селезенка; доброта’
Счастье/Любовь	Хорошее состояние, любовь	<i>āššu-</i> ‘добро; хороший, дорогой, предпочтительный’ (шум. SIG ₅ , акк. NARĀM)
	Радость	<i>dušk(iyel)a-</i> ‘быть радостным, играть’
	Удовлетворенность	<i>nūn-</i> ‘удовлетворение’ (лавизм)
Желание	Желание	<i>ilaliya-</i> ‘желание’

Таблица 1. Лексемы, выражающие эмоции в хеттском языке.

относиться к эмоциональной лексике. См. *kardimmiya-*: *kardimiyawant-* ‘злой, *kardimmiēššzi* ‘становиться злым’, *kardimi(ya)nuzi* ‘делать злым’, *kardimiyahhi* ‘делать злым’, *kardimiyatt-* (с.) ‘(причина) злости’. В некоторых случаях не все составляющие словообразовательного гнезда имеют семантику эмоций. См. основное слово для выражения хорошего состояния: *āššu-/āššau-*: само по себе *āššu-* в первую очередь обозначает (хорошие) вещи, предметы, товары, но уже дериватив *āššuwant-* (adj.) несет только значение ‘хороший, предпочтительный, выбираемый, тот, что нравится’. *Aššul* (н.), *aššula-* (с.) означает добрые пожелания, услуги, хорошее состояние. В гнезде *aršan-* ‘зависть’ присутствует слово *aršanatal(l)a-* (с.) ‘завистник’. *Terpi-* ‘унижать’ является деривативом от *teri-* ‘маленький’ и, кажется, не имеет в корпусе примеров другой деривации с эмоциональным значением.

Злость, гнев, бешенство

Основное значение для злости, *kartimmiya-*, очевидно, является когнатом со словами, относящимися к обозначению сердца: *kir(ti)*, *kart(i)-*. В этом отношении *kartimmiya-* полностью соответствует слав. соотношению ‘сръдити ся — сръдце’, лит. ‘*šiřsti* — *širdis*’, арм. ‘*sr̄tim* — *sirt*’ (см. подробнее HED K: 112, EDHIL: 457). Как отмечает Я. Пухвел (HED K), прямая деривация глагола ‘сердиться’ от слова ‘сердце’ необязательна, однако связь между этими понятиями очевидна, как и то, что она восходит ко времени праиндоевропейского единства. Е. Рикен (1999: 110–111) считает, что корень **kerd-* ‘сердце’ послужило основой для глагола **kerd-yel/o-* ‘to be angry’. Далее из этого глагола с помощью суффикса *-men* развивается отглагольное существительное **kerd-yel/o-a-men-* (*kerd-i-men*) ‘злость’, и уже от него образуется глагол на **yel/o-*, **kerd-i-mn-yel/o-*, который дает хетт. *kartimmiye/a-*.

Отсутствие уважения к собеседнику, которое выливается в агрессию и неподчинение, в хеттском выражается глаголом *šullezi* ‘быть высокомерным’ (CHD S5: 570, EDHIL 778f), с двумя деривативами: *šulleššzi* ‘становиться высокомерным’ и гетероклизой *šullatar/šullann-* (н.) со значением распухшего состояния и, в переносном значении, неоправданно высокомерного действия. На индоевропейском поле когнаты включают норв. *svella* ‘распухать’, англ. *swell* с тем же значением, а также лат. *insolēscō* ‘становиться высокомерным’. (EDHIL 778f) реконструирует для этого хеттского корня праиндоевропейскую суффиксальную форму **sulH-eh₁-*. Согласно Melchert 2004, развитие эмоционального значения здесь сравнительно позднее, поскольку уже на хеттской почве можно проследить остатки значения ‘разбухший’ (см., напр., KUB 4.4 obv. 2–9). Аналогичный семантический переход в значение высокомерия в латыни, таким образом, является параллельным процессом.

В этом же семантическом поле мы находим *haršal(l)ant-* ‘возмущающийся, сопротивляющийся’. Пухвел (HED H: 185) предлагает в качестве возможного развитие этого слова как деноминатива от *haršar/haršan-* ‘голова’ и приводит в качестве типологического сравнения англ. ‘*at loggerheads*’. Русс. ‘набычиться’ демонстрирует похожую семантику (только головы будут, очевидно, бычьи, с рогами).

Значение слова, обозначающего злость от зависти, *aršan-* ‘злиться, завидовать’ можно возвести к праиндоевропейскому уровню: наличие параллелей со значением зависти в санскрите и авестийском показывает, что эмоциональная составляющая появилась в значении очень рано. А. Клукхорст (EDHIL: 210) реконструирует пра-и.е. форму для глагола *aršaniye/a-* как **h₁/hrs-ne-h₁-ti/*h₁/hrs-n-h₁-enti*, на основании снкрт. *īṣyant-* ‘злой’, *īrasyāti* ‘быть злым’, авест. *arəšiānt-* ‘завистливый’, *araska-* ‘зависть’. (HED A: 173) указывает также на возможную параллель с ток. А *rse* ‘ненависть’. И. Якубович (ACLT) также предлагає учитывать в этом гнезде лув. *ar-ši-ma-na-al-li-ya-an* ‘принадлежащий завистникам’ (ACLT; см. тж. eDiAna, согласно которому значение этой лексемы в контексте — единственное употребление в перечне меризмов в ритуальном заклинании — остается неочевидным).

Корень *warkui-* ‘злость, ярость’ встречается в хеттском корпусе всего дважды, KUB 17.10 iii 9–12 и KUB 33.28 (EDHIL: 965), и всегда в одном ряду с перечислением *idālu-* ‘плохой’, *wašdul* ‘трех’, *karpi-* ‘ярость’, *kardimiyatt-* ‘злость’ и *šāwar* ‘мрачность, бешенство’. Клукхорст восстанавливает для этого слова праи.-е. форму **u(o)rKw-i-*, однако делает это без опоры на когнаты, так что имеющиеся данные вряд ли позволяют судить о возможной форме и времени появления эмоционального значения для этого корня.

Форма *lelani(ye/a)-* встречается только в старохеттских документах, в основном в старых версиях мифа о Телибину (см. CHD L-N: 58f, KUB 17.10 ii 33, СTH 324) и хеттских законах

(Beckman 2023: 181, КВо 6.2 ii 13–15 +дупл., СTH 291), в более поздних текстах на его месте возникает *kartimmiya-*. Как и *warkui-*, *lelani-* входит в перечисления вариантов ярости: *karpiš*, *kardimmiyaz*, *wašdul* и *šāwar*, все из которых, кроме *wašdul*, представляют собой имена, соотносимые с глаголами, обозначающими разновидности ярости/злобы. Очевидно, указывает Пухвел (HED L: 80), обычное значение греха не очень подходит для этого употребления слова *wašdul*. Он указывает, что здесь можно увидеть параллель с греч. ἄτη ‘безумие ярости’ (Iliad 19:136 οὐ δυνάμην λελαθέσθ’ Ἄτης ἡ πρῶτον ἀσθῆν), которое соотносится с лат. *furor* и которое Цицерон называет *mentis caecitas*. Гютербок (цит. по HED) считал, что здесь у *lelani-* должно фиксироваться значение ‘ярости как высшей степени гнева’. Когнаты в индоевропейских языках неизвестны, поэтому пока реконструировать праформу дальше предлагаемого Клукхорстом **lelan-* не представляется возможным.

В словообразовательное гнездо с оттенком значения ярости как раздражения, мрачности и угрюмости входят лексемы *šātar* ‘(предполож.) раздражение’ и *šāwar* ‘мрачность, бешенство’, деривативы от глагола *šae-* (*šai-*) с вероятным значением ‘становится рассерженным, мрачным’ (в медиа ‘ссориться друг с другом’, CHD S2: 319). Когнаты в индоевропейских языках (цит по: EDHIL: 693f): лат. *saevus* ‘дикий, яростный’, греч. αἱ-άνης ‘жестокий’, гот. *sair*, др.-нем. *sēr* ‘боль’. Наличие когнатов позволяет судить о том, что эмоциональное значение для данного корня может быть теоретически реконструировано уже на праи.-е. уровне. (EDHIL: 694) реконструирует праформу как **seh₂i-ti*.

Что касается распространенного имени *karpi-* (с.) ‘тнев’ и глагола *karpiya-* ‘тневаться’, его словообразовательное гнездо включает *karpeššzi* ‘становиться злым’ и прилагательное *karpiwāla-* ‘тневный’. Индоевропейские когнаты (HED K: 98f): лат. *increpāre* ‘ругать’ и рус. *крапота* ‘ссора’ (по Eichner 1979: 61). М. Фасмер отмечает, что рус. *крапота* ‘ссора’, словен. *krópati* ‘кудахтать’, в.-луж. *škropić* ‘шипеть’, ‘говорить хриплым, глухим голосом’ родственно лат. *crepāre* ‘брязгать, трещать, щелкать, твердить’, и возможна связь с др.-инд. *kíratē* ‘вопит’ (Vasmer 1996), см. тж. греч. καρπάλιος ‘стремительный, порывистый’ (цит. по HED K: 98–99). Исходя из славянских соответствий, для узкопраи.-е. уровня следует реконструировать корень **krp-*. Тишлер (HEG A–K: 515) связывает *karpi-* с клинописным лув. *zarpa/i-*, что заставляет (EDHIL: 452) реконструировать для праанатолийского пала-тилизованный **k* в корне: **krp-* и, соответственно, праи.-е. форму **krp-*. Вопреки Тишлеру, eDiAna отмечает, что *zarpa/i-* не должно входить в данное гнездо: Рикен предлагает реконструировать для *zarpa/i-* праанат. корень **kerP-* or **zerP-*.

Враждебность

Основными для выражения значения враждебности в хеттском языке являются деривативы с корнем *kattu-* ‘враждебность, желание отомстить’: *kattuwaesi* ‘быть огорченным, чувствовать себя ущемленным’ (HED H: 138), *kattawātar/kattawann-* ‘огорчение, вражда, причина для огорчения и враждебности’, *kattawannalli-* ‘мстительный’. Базовый корень в хеттском корпусе зафиксирован лишь однажды, однако он хорошо выделяется при анализе словообразовательного гнезда. Соотносится с греч. κότος ‘недоброжелательность, злоба’, др.-ирл. *cath* ‘раздор, битва’, ср.-верх.-нем. *hader* ‘битва’ и синскр. *śátru-* ‘враг’. Это заставляет Клукхорста (EDHIL: 466) реконструировать для *kattu-* праи.-е. форму **kh₂et-eu-*. В ряд когнатов попадает практически совпадающее с хеттским клинописное лув. *kattawatnalli-* ‘мстящий, требующий ответа’: kat-ta-wa-at-na-al-li-in-za (KUB XXXV 45 II 18–19 ŁUKÚR.MEŠ-in-z(i) (kattawatna)llinza), однако EDHIL отмечает, что исходно лувийское слово должно было претерпеть переход **k* > *z*, чего в данном слове не наблюдается.

ется, отсюда можно предположить, что имело место хеттское заимствование в лувийский. Палatalное **k̥* предполагается на основе сравнения с германским и индийским когнатами, ларингал требуется в реконструкции для объяснения *a* в древнеирландском.

Еще один распространенный корень этого семантического поля напрямую соотносится с гетерограммой *LÚKÚR* ‘враг’ — *kūrur-* ‘вражда’. Несмотря на видимое совпадение с шумерским, это слово является исконным хеттским словом, входящим в разряд имен с гетероклизой, по некоторым причинам потерявшим гетероклитическое склонение (Rieken 1999: 319f). Е. Рикен рассматривает этот корень как происходящий из *kuerzi/kur-* ‘резать’. Я. Пухвел (HED K: 285) приводит следующий ряд когнатов: греч. θήρ, общеслав. звѣрь, лит. žvēris, лат. *ferus*. Таким образом, этот корень должен возводиться к значению **ghwer-* ‘дикий зверь’, через форму **ghwr-wr*, что и дает нам *kūrur* и что может соотноситься также с лат. *furor* и семантически восходить к эмоции ярости на поле битвы.

В литературе обсуждается вероятность, что за шумерограммой *LÚKÚR*, как правило, получающей фонетические комплементы на *-n-* (dat.-loc.sg. *LÚKÚR-ni*, dat.-loc.pl. *LÚKÚR-naš*, adv. *LÚKÚR-nili*, цит. по EDHIL: 496), скрывается корень, отличающийся от *kūrura-*, поскольку в корпусе не обнаружено аттестаций типа ***LÚKÚR-ra-*. Как правило, отмечает А. Клукхорст (op.cit.), хеттские слова на *-ir-* имеют гетероклитическое склонение *-ir-/ -i(e)n-* (напр., *pahur/pah̥uen-*, *mēhur/mēhun-*). Даже те слова, которые склоняются негетероклитически, по мнению Е. Рикен (1999: 319), просто его потеряли. Поэтому, делает вывод Клукхорст, не исключено, что за гетерограммой *LÚKÚR-na* скрывается старое **kūrun/*kūruen-*, что позволяет нам рассматривать аттестации *LÚKÚR* как вариант *kūrur-*.

Страх

Широко распространенная в хеттском корпусе эмоция страха сводится к пяти корням, которые довольно четко распределены по разным оттенкам значения, хотя и могут оказываться в одном и том же перечислении (см. ех. 1). Так, за страх как настороженность, ощущение опасности отвечает лувизм *kuwaya-* (последовательно отмечен глоссальным клином в хеттских текстах, в лувийских см. КВо XXIX 51 2: abl.-instr. sg. *ku-wa-ya-ta-ti*, иер. REL-S(U)- = *hwis(a)*). Пухвел возводит лув. *kuway-* к праанат. **dway-* < IE **dwey(s)-*, что может соотноситься с греч. δείω < *δέδφοια, арм. *erknčim* ‘страх’, синскр. *dvésti* ‘ненависть’. Словообразовательное гнездо включает лексемы *kuwayat-* (с.) ‘страх, опасение, уважение, почитание’, *kuwayata(i)-* ‘быть уважаемым, тем, кого боятся’, *kuwayaralla-/kuwarayalla-* ‘внушающий страх’.

Слова с корнем *werit(e)-* ‘бояться, быть напуганным’, в частности, существительное *weritema-* ‘испуг, страх’, часто идут вместе со словами корня *naħsaratt-* ‘страх, испуг, ужас’:

- 1) NH (CTH 727) KUB XXVIII 4 obv.21b (цит. по Kölligan 2020)

<i>ep-ta=an</i>	<i>naħsara-z</i>
схватить-3SG.PST=SHE.3SG.ACC	страх-NOM.SG
<i>ep-ta=an</i>	<i>weritama-ś</i>
схватить-3SG.PST=SHE.3SG.ACC	испуг-NOM.SG
‘Страх охватил ее, испуг заставил ее оцепенеть’	

В словообразовательное гнездо корня *werit(e)-* входят еще два глагола, *weriteššzi* ‘бояться, быть напуганным’ и *weritanuzi* ‘пугать’. В словообразовательное гнездо корня *naħħ-* (шум. HUŠ, акк. *PALĀHU*) входят, кроме упомянутого выше *naħsaratt-*, глагол *naħsariyezi* ‘быть напуганным; выказывать (богам) почтение’, причастие *naħsariyawant-* ‘напуганный’

и каузатив *naḥšarnuzi* ‘пугать; заставлять демонстрировать почтение’. Можно видеть, что для корней из гнезда *nāḥḥ-* есть дополнительное значение ‘демонстрировать почтение’. Поэтому предположим, что *nāḥḥ-* отвечает за ужас и почтение, возникающее при виде чего-то великого (и ужасного), а *werit(e)-* охватывает идею оцепенения при страхе (но см. ниже параллель с лат. *vereor*, в значение которого входит коннотация почтения). На русский выражение можно перевести как ‘страх и трепет’ (см. тж. HED N: 11).

Хеттское *nāḥḥ-* на анатолийской почве соответствует клинопис. лув. *naḥḥūwa-(i)* ‘есть повод для беспокойства’ (безл., цит. по КВо 4.14 iii 15–33), и *naḥḥuwašša/i-* ‘пугающий’. Клукхорст (EDHIL: 591) указывает этот корень среди анатолийских когнатов *nāḥḥ-*. В иер. лувийском *naḥḥ(i)-* встречается лишь однажды, в письме 8 века до н.э. (предположительно Каркемиш, цит. по Rieken, Sasseville 2017):

- 1) ASSUR letter f+g , Hawkins 2000: 533–555

!a-wa/i !(“COR”)na-hi-zi (“COR”)la+ra/i-hi-ri+i-ia-zi-ha !PRAE-i !(PONERE)sà-ti-nu-i
a=wa *nahhinzi* *larhiriyanzi=ha* *pari* *stīnu*
 CONN=PTCL страх.ACC.PL тревога.ACC.PL=и прочь уничтожить.2SG.IMP
 ‘страх и тревогу напрочь уничтожь!’

Лув. *naḥḥūwa-(i)* является семантической параллелью к хетт. *nakkešš-* ‘становится проблематичным’ и лув. же *kuwayata-(i)* ‘вызывать страх’.

Для *werit(e)-* (EDHIL: 591, 1003), вслед за Oettinger 2001: 467, предлагается восстанавливать праи.-е. форму из двух частей: **w(e)r̥h₁-i-* + **d̥eh₁-* (**weri-dē-* у Оттингера, **dē-* со значением ‘положить, поставить’). Семантическое развитие в таком случае предполагается как «начать звать > кричать (в страхе) > бояться» (и предполагается связь с хетт. *weriya-* ‘звать’). Типлер (HEG W-Z: 503) приводит эту этимологию наряду с другой версией (первое упоминание — Marstrander 1919), согласно которой проводится сопоставление *werit(e)-* с лат. *vereor* ‘демонстрировать уважение, страх, бояться’. Согласно de Vaan 2018, для праиталийского уровня от *vereor* восстанавливается форма **wer-ē-* ‘быть настороже’, его когнаты в индоевропейских языках: др.ирл. *cóir*, *coair* ‘полноправный’, вал. *suweir* ‘подготовленный’ < пракельт. **ko(m)-wari-*; гот. *wars*, др.исл. *varr*, др.англ. *wær-* ‘аккуратный, внимательный’ (прагерм. **wara-*), гот. *warei* ‘хитрый’, др.англ. *waru*, др.верх.герм. *wara* ‘внимание’. Для праи.-е., соответственно, реконструируется форма **uer-eh₁-* ‘замечать, иметь значение’. Эти этимологии можно совместить, предложив реконструкцию: **uer-eh₁-* + суффикс **deh₁-* > прахетт. **werē-dē-* ‘поставить в ужасное положение, привести в ужас’².

Для *nāḥḥ-* предлагается общепринятая реконструкция праи.-е. формы **neh₂-*. Учитывая точку зрения, что *nāḥḥ-* и связанный с ним *naḥšaratt-*, а также др.ирл. *nár* ‘благородный, скромный’ соответствуют греч. νῶτον ‘спина’ и лат *natis* ‘задница’, Кёллиган (2020: 152) предлагает считать, что праи.-е. **neh₂-* будет носить значение ‘поворнуться (спиной)’. При этом νῶτον должно соответствовать акростатической парадигме: **nóh₂-t-/nēh₂-t-* ‘поворот’, а *natis* — амфикинетической пом. **néh₂-ot-s*, gen. **nh₂-t-és*, loc. **nh₂-ét-I*, vel. sim. Таким образом, спина оказывается той частью тела, которая поворачивается от собеседника, ровно так же, как и в лат. *dorsum* (см. Kölligan 2020: 146f для типологических параллелей семантических переходов «спина > страх, бояться»).

Еще два корня со значением страха в хеттском: *kurkuriye-* ‘пугать’ и *katkatiya-* ‘дрожать’, оба с редупликацией в корне, то и другое звукоподражания. Первый является

² Отдельная благодарность И. Якубовичу за поддержку и дискуссию в процессе работы над этимологией хетт. *werit(e)-* и *nāḥḥ-*. Ответственность за высказанные гипотезы, проведенные соответствия, а также неточности в формулировках и записи лексем по-прежнему несет исключительно автор статьи.

производным от *kurkura-* (с.) ‘пугало’ (любопытно, что зафиксирована и двойная редупликация *kurkarakurkurai-*, возможно, для усугубления впечатления), с очевидным значением, передаваемым англ. *scarecrow*. Пухвел приводит параллели с греч. Γοργόν(ες) (впервые у Гесиода) и гомеровской Гοργώ. От *katkatiya-* образованы каузатив *katkattinu-/katkattenu-* ‘вызывать дрожь’ и *katkattim(m)a-/katkattema-* (с.). ‘дрожь’.

Горе

Для выражения горя как такового в хеттском пока обнаружено только одно слово, и то лувийское заимствование *lumpašti-/lup(p)ašti-* (с.) (HED L: 118–119), в котором выделяется анатолийский отадъективный суффикс *-ašti-* (ср. *pallhašti-* ‘ширина’, *dalugasti-* ‘длина’). Аналоги можно найти в индоевропейских языках, см. слав. *długość*, *ozosť*, др.верх.нем. *angust*. *Lu(m)p-* (с возможным носовым в корне) соотносится с греч. λύπη ‘боль, горе’, λύπος ‘горестный’, что, в свою очередь, заставляет вспомнить о λύγος, λευγαλέος ‘несчастный’, а также лат. *lūgēre* ‘горевать’. Пухвел (оп.cit.) также указывает на то, что форма **lewṛ-* может иметь значение, аналогичное глаголам со значением ‘рвать на себе (одежду), хлестать’ (лит. *lūpti*, слав. *лупити*), используемых в ритуалах горевания. Сюда же можно привести снскрт. *lumpáti* ‘рвать’, *lopáyati* ‘ранить’, последнее соответствует лит. *laupýti* ‘обдирать’ и слав. *лупити*; и здесь также есть указание на наличие носового, как в *lumpasti-*. В. Блажек (1992: 136) приводит также греч. *luptá* ‘женщина легкого поведения’ рядом с *lumpašti-*, встраивая, сомнительно, этот корень в ряд со значением ‘желания’ (**leub^h-*) и выводя его на ностратический уровень.

Ненависть

Эмоция агрессии *kappilae-* фактически означает ‘вступать в схватку’, с деривативами *kappilaḥḥ-* ‘оказаться в схватке’ и *kappilalli-* ‘быть агрессивным, склонным к схваткам’. Анатолийские когнаты включают в себя клинопис.лув. *kappilazza-* (kap-pí-la-az-za-at-ta) ‘становиться враждебным’ и иер.лув. *kapilala/i-* (с.) (*³¹⁴ka-pi-la-li-i-na). К сожалению, никакой очевидной этимологии для этого корня не удалось подобрать, за исключением того, что *kappilalli-* следует возводить к **kappil-*, возможно девербативу, притом что соответствующий глагол, от которого могло бы быть произведено это слово, в хеттском не сохранился (см. HED K: 64–65 для подобных зарегистрированных производных в хеттском).

Зато вполне очевидна этимология *terpi-* ‘унижать’, дериватива от *teri-* ‘маленький’: ‘унижать < принижать < небольшой’. Семантический переход, очевидно, произошел на хеттской почве. У слова *terpi-* со значением ‘маленький’ при этом находится множество когнатов, реконструируется праи.-е. форма **dʰéb^h-i-* (EDHIL: 869) и даже прослеживается почти похожий семантический переход в других индоевропейских языках (снскрт. *dabhrá-* ‘маленький, недостаточный’, *dabhnóti* ‘обижать’, авест. *dəbənəo-* ‘обманывать’).

Более точное соответствие «чистой ненависти» мы находим в глаголе *ruk-(tt)a(r)i* ‘быть ненавидимым, быть отвратительным, быть неприятным’ и его деривативах, *rukant-* ‘отвратительный, ненавидимый’ и каузативе *rukani-/rukkipi-* ‘создавать отношение ненависти (к кому-л.)’ (вариации спеллинга: *puggaru*, *puggataru*, *ruktařu*, что только подчеркивает наличие в корне геминированной согласной). Согласно (HED Pu: 116), для этого глагола реконструируется праи.-е. **b^hew-g-*, см. греч. φεύγω, лат. *fugiō* ‘убегать, искалечь убежища’, лит. *būgti* ‘быть напуганным’.

Беспокойство

Беспокойство о чем-то, что является важным, фиксируется в лувизме *naħħiwa(ya)*- ‘есть повод для беспокойства’, образованном от глагола *naħħi-* (см. выше раздел «Страх», там же про семантические параллели *naħħiwa*-).

В свою очередь, ^(SIG)*pittula*- (с.) ‘узел, петля’ дает в своем словообразовательном гнезде довольно предсказуемый переход к эмоционально трудной ситуации: *pit(t)uliya*- (с.) ‘мучение, беспокойство, напряжение’, глагол *pittuliye/azi* ‘беспокоиться, быть напряженным’, причастия *pittiliyan*- ‘обеспокоенный, напуганный’ и *pittiliyanwant*- ‘остраненный, скованный’ (примеры см. в CHD P: 365f, также с шумерограммой BAD). Е. Рикен (1999) считает, что здесь имело место суффиксальное образование **peth₂-ul*- и, соответственно, семантический переход «раскинуть > раскинуть руки > обнять > сплетение». И. Якубович (2016) проводит параллель со слав. *petylja* (русс. *петля*), показывая аналогичное суффиксальное образование. В целом, семантический переход от понятия «узел» к понятию «скованный, напряженный, беспокойство» представляется тривиальным и типологически частотным.

Наконец, как и в семантическом поле страха, беспокойство может быть выражено (квази)звукоподражательным редуплицированным корнем: *laħħlaħħiya*- ‘беспокоиться, находиться в непрерывном движении’ образовано по тому же принципу, что и *kurkuriye*- ‘пугать’ и *katkatiya*- ‘дрожать’ (а также *tastasiya*- ‘шепот’, см. HED L: 10–12). А. Касьян (личн. сообщ.) считает, что *laħħlaħħiya*- может быть деноминативом от *laħħlaħħa*- (с.), nom. sg. la-aħ-la-aħ-ħa-as (KBo XLII 74 8). Пухвел допускает, что также возможно ономатопическое образование, как в *laħ(h)anza(n)*- (выражение шумного возбуждения как у людей, так и у птиц или животных). Говоря об анатолийских когнатах, следует отметить упомянутое выше (пример 2) иер. лув. (“COR”)la+ra/i-hi-ri+i-ia-zi /lalhiliyanzi/, гапакс, встречающийся в письме из Ассирии 8 века до н.э (Bauer et al. 2017).

Счастье, любовь

Значение счастья фокусируется в хеттском языке в основном вокруг корня *āšši*-/*āšša*- (шум. SIG₅, тж. SILIM, акк. NARĀM). Само по себе *āšši*- во многих контекстах носит значение, не связанное с эмоциональной сферой: ‘хозяйственное добро, товары, имущество’, однако выражает тж. и значение хорошего состояния/отношения, в частности, в приветственных формулах. А. Нусбаум (2014) напоминает о *communis opinio*, которым является реконструкция для *āšši*-/*āšša*- протокинетического **h₁és-u-/*h₁s-éu*- и, соответственно, семантики посессива.

Деривативы: *āššiwan*- ‘предпочтительный, хороший’, *āššiwatar/āššiwann*- (n.) ‘добroe отношение, дружба’, *āššul* (n.), *āššula*- (с.) ‘приветствие, добреое действие, хорошее состояние’ (SILIM-ul). Эмоция любви появляется в глаголе *āšša(r)i*-, *āššiye/a(tta-r)i*- ‘быть любимым / быть хорошим’ (каузатив *āšš(i)yani* ‘заставлять полюбить’) и, наконец, отглагольное существительное *āššiyatar/āššiyann*- (n.) возвращает понятие ‘любовь’ (*āššiyawant*- (с.) ‘любовник’).

Анатолийские когнаты для представления о любви: иер.лув. LITUUS_{aza}- ‘любить’ (3sg.prs.act. á-za-ti) (KARATEPE 2 §2), LITUUS_{OCULUS}*azatiwada*-, PN (букв. ‘любимый богом Солнца’) и др. примеры с тем же корнем, см. EDHIL: 216). На индоевропейском уровне мы можем соотнести *āšši*- и его деривативы с греч. ἔυς ‘добрый, хороший’, снскр. *sú* ‘хороший’. А. Клуокхорст (EDHIL: 216) полагает, что возводить *āšša(r)i*- и *āšš(i)yani*- на-

прямую к *āšši*- семантически необоснованно, исходя из того, что представление о любви плохо соотносится с материальной обеспеченностью, заботой о хорошем состоянии (тут можно было бы вразить ему на общих основаниях). Он предлагает считать, что *āšši*- является каузативом от *eš-/aš-* ‘быть’, то есть «любить < принадлежать». Надо отметить, что Блажек (1992: 138) восстанавливает для этого корня праи.-е. **an(V)s* на основании греч. *pros-ēnēs* ‘дружеский’.

Счастье как радость выражается в хеттском материале посредством корня *dušk-/tušk(iye/a)-* ‘быть счастливым, радоваться, играть’. Его деривативы: *tuškari-*, *tuškaratt-* (с.) ‘счастье, развлечение’, *dušgani-* ‘делать счастливым’, *duškaratar/duškaran-* (н.)/*dušgariiyatar/dušgariyann-* (н.) ‘счастье’, *dušgaraiwant-* ‘счастливый, радостный’. (EDHIL: 901–2). К сожалению, видимых когнатов обнаружить не удается, предположение Тишлера (HEG T: 466) о связи **tusk-* с др.норв. *þýðr* ‘дружеский’, гот. *þiup* ‘добро’, в которых отражается корень **teu-*, опровергается Клукхорстом на том основании, что глагол *tuškzi* должен непременно соотноситься с праи.-е. корнем **tusk-*, и в целом нет оснований с ним не соглашаться.

Еще одно заимствованное из лувийского слово в хеттском корпусе также соотносится с эмоцией любви, радости или, вернее, «удовлетворения»: *nīn* (см. примеры в CHD L-N: 476), всегда сопровождаемое глаголами *ištamaššiwar* или *tumantiya-* (лувизм, соответствующий хетт. *ištamaššiwar* ‘восприятие, слышание’). По наличию среди аттестаций формы dat.sg. *nīti* можно полагать, что лувийское слово имело *-t-* в корне, которое в хеттском после заимствования исчезло при адаптации, таким образом давая хетт. nom.sg. *nīš* and acc.sg. *nīn*.

Милосердие, доброта

Словообразовательное гнездо вокруг корня *kāri-* показывает семантику милосердия, милости к людям. Выражение *kāri tiye/a-* (букв. ‘держать *kāri*-’) означает ‘быть милосердным к кому-л.’, также в ряде контекстов выражает согласие. С точки зрения индоевропейских соответствий это может быть когнат праи.-е. **gʷer* ‘желать, быть радостным’ (см. Blazhek 1992: 139, Pokorny 159: 440–441). Деривативы: *kariyatta-* ‘быть милостивым к кому-л.’, *kariyašha-* (с.) ‘милость’. Соответствия в индоевропейских языках выглядят следующим образом: снскрт. *háryati* ‘желание’, авест. *zara-* ‘цель’, греч. χαίρω ‘получать удовольствие, радоваться’, χάρις ‘милость’, χαρά ‘радость’, др.верх.нем. *ger* ‘вожделенный’ (HED K: 80–81). *kāri-* представляет собой, таким образом, окаменевший датив-локатив от значения «милость».

Что касается хетт. *genzu-/ginzu-*, здесь мы можем полагаться на исследование С. Кимбалл (2011), которое анализирует семантику, формы и соответствия, сравнивает контексты, в том числе перечисления органов тела, включающие это слово, и убедительно показывает, что *genzu-*, скорее всего, изначально обозначало не колени или гениталии, как предлагал, в частности, Я. Пухвел (HED K: 154–157), а селезенку (spleen), которая и в других индоевропейских языках становится источником эмоций (греч. σπλήν > англ. сплин). Поскольку Кимбалл удается выявить ряды наименований внутренних частей тела, в которых *genzu-* явно противопоставлен и «внутренностям» (*karāt-*), и «печени» (^{UZU}NÍG.GIG), и «почкам» (^{UZU}KALÁM), и «брюшной полости» (KARŠU), и «гениталиям» (^{UZU}ŪR), и «сердцу» (*ker-*), идентификация этого внутреннего источника доброты выглядит обоснованной (Kimball 2011: 6). Метафорический переход «внутренняя часть тела (селезенка) > доброта» с типологической точки зрения довольно банален.

Дериваты *genzu-*: *genzuwazi* ‘быть добрым, сочувствующим’, *genzuwala-* ‘добросердечный’. Этимология в литературе колеблется между двумя версиями: А. **gem-s-/gen-s-* со значением ‘сжимать’ (Laroche 1965), Б. **ǵenh₁-* ‘рождать, вынашивать’ (Rieken 1999, EDHIL).

Желание

Хетт. *ilaliya-* ‘желание’ (см. HED E-I: 355) не выводится на праи.-е. уровень, однако может быть общеанатолийским образованием, возможно, ономатоплическим. Встречается в анатолийской антропонимике и теонимике (KUB II 4 IV 27 ^a*Ilaliyantas*; KUB IX 34 III 35 ^a*Ilaliyandus*; пал. ^a*Ilaliyant(ik)es*, тж. возможно в лик. *Eliyāna*). И. Якубович обращает наше внимание на реконструкцию лувийского корня **alali-ti* ‘желать’, очевидного когната с хетт. *ilaliya-*. Дополнительные свидетельства того же корня можно видеть в билингвальной надписи KARATEPE: § 65 /*alunazza-i*/ ‘желать’ и § 71 /*alunnamm(a)-*/ ‘похоть’ (Yakubovich 2017: 16).

Заключение

Таким образом, с опорой на хеттские и лувийские данные удается восстановить для праиндоевропейского состояния не менее 15 лексем со значением эмоций, в то время как образование 3 звукоподражательных корней и около десяти терминов эмоций, вероятно, следует реконструировать для более позднего времени. Широкий набор эмоциональной лексики позволяет говорить о довольно развитом внутреннем мире человека времен общеиндоевропейского единства.

References

- ACLT = Yakubovich, Ilya (ed.). 2013–2015. *Annotated Corpus of Luwian Texts*. Online resource at: <http://web-corpora.net/LuwianCorpus/search> [last accessed on 20.01.2023].
- Bauer, Anna, Ilya Yakubovich, David Sasseville. 2017. **lalhiliya-*. Available online at: eDiAna (2017.1).
- Beckman, Gary. 2023. Hittite Emotion Terms. In: K. Sonik, U. Steinert (eds.) *The Routledge Handbook of Emotions in the Ancient Near East*: 171–196. London / New York: Routledge.
- Blažek, Václav. 1992. Emotions in Nostratic Lexicon. *Sborník prací filosofské fakulty brněnské univerzity. Studia minorata facultatis philosophicae universitatis brunensis*: 135–146.
- CHD = Güterbock, Hans G., Harry A. Hoffner, Theo van den Hout (eds.). 1983ff. *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. University of Chicago.
- EDHIL = Kloekhorst, Alwin. 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.
- eDiAna = Miller, Jared, Elizabeth Rieken, Olav Hackstein, Ilya Yakubovich (eds.). 2017–: eDiAna. *Digital Philosophical-Etymological Dictionary of the Minor Ancient Anatolian Corpus Languages*. Online resource at: <https://www.ediana.gwi.uni-muenchen.de> [last accessed on 20.01.2023].
- Eichner, Heiner. 1979. Hethitisch gēnuššuš, ginušši, ginuššin, Hethitisch und Indogermanisch. In: E. Neu, W. Meid (eds.). *Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeografischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens*: 41–61. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Güntert, Hermann. 1923. Review of: Kurath Hans. The semantic sources of the words for the emotions in Sanskrit, Greek, Latin and the Germanic languages (Diss., University of Chicago, 1921). *Indogermanische Forschungen* 41: 6–7.
- Hawkins, J. David. 2000. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions 1: Inscriptions of the Iron Age. Parts 1-3. Untersuchungen zur indogermanischen Sprach- und Kulturwissenschaft. Neue Folge 8/1*. Berlin / New York: De Gruyter.

- HED = Puhvel, Jan. 1984ff. *Hittite Etymological Dictionary*. Berlin / New York / Amsterdam: Mouton de Gruyter.
- HEG = Tischler, Johann. 1983ff. *Hethitisches Etymologisches Glossar*. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft.
- Kaiser, Mark, Vitaly Shevoroshkin. 1988. Nostratic. *Annual Revue of Anthropology* 17: 309–329.
- Kölligan, Daniel. 2020. Hittite *nah(h)-* ‘to fear’, OIr. *nár* ‘noble, modest’ and Greek *vōtov* ‘back’, Latin *natis* ‘rump, buttock(s)’. *Historical Linguistics* 133/1: 144–154.
- Marstrander, Carl. 1919. *Caractère Indo-Européen de la langue Hittite*. Christiania: J. Dybwad.
- Melchert, H. Craig. 2004. Latin *insolēscō*, Hittite *šulle(šš)-* and PIE Statives in *-ē-*, *Hrdā* *máñasā*. In: N. N. Kazansky (ed.). *Studies Presented to Professor Leonard G. Herzenberg on His 70th Birthday*: 90–98. St.-Petersburg: Nauka.
- Nussbaum, Alan J. 2014. The PIE proprietor and his goods. In: H. Craig Melchert, E. Rieken, T. Steer (eds.). *Munus amicitiae Norbert Oettinger a collegis et amicis dicatum*: 228–254. Ann Arbor: Beech Stave Press.
- Oettinger, Norbert. 2001. Hethitisch *-ima-* oder: Wie ein Suffix affektiv werden kann. In: G. Wilhelm (ed.). *Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie*. Würzburg, 4.–8. Oktober 1999 (= StBoT 45): 456–477. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. I. Tübingen, Basel.
- Ponsonnet, Maia. 2022. Emotional language: A brief history of recent research. In: S. Völkel, N. Nassenstein (eds.). *Approaches to Language and Culture*: 307–335. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Rieken, Elizabeth. 1999. *Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen* (= StBoT 44). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Rieken, Elizabeth, David Sasseville. 2017. *nahh(uw)a-(i). Available online at: eDiAna (2017.1).
- De Vaan, Michiel. 2018. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden/Boston: Brill.
- Vasmer, Max Julius. 1996. *Etimologicheskij Slovar' Russkogo Jazyka*. Sankt-Peterburg: Azbuка.
- Yakubovich, Ilya. 2016. Review of: Saskia Pronk-Tiethoff. The Germanic Loanwords in Proto-Slavic [Amsterdam: Rodopi]. *Kratylos* 61: 138–144.
- Yakubovich, Ilya. 2017. The Luwian word for ‘place’ and its cognates. *Kadmos* 56: 1–28.

Maria Molina. On the reconstruction of the lexical terms for emotions on the Proto-Anatolian and Proto-Indo-European levels

In this paper, I present an overview of the vocabulary of emotions in the Hittite language, with detailed analysis of their etymologies, and compare the analyzed material with the emotion vocabulary from other Anatolian and Indo-European languages. This is essentially an attempt to form a basis for the reconstruction of the lexical set of terms for emotions at the Proto-Indo-European level.

Keywords: Proto-Indo-European language; Proto-Anatolian language; Hittite language; Luwian language; lexical reconstruction; language semantics; emotions.